

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669

ПОНЯТИЙНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНТЕКСТА ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ЭКОНОМИКЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н.А. Гаража

Новороссийский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
353907, Россия, Новороссийск, ул. Видова, 56
ngarazha@yandex.ru

В статье рассмотрены официальные и персональные характеристики и размышления относительно понятийной составляющей феномена трудоустройства советских граждан в экономике Третьего рейха. Результаты настоящего исследования подтверждают факт значимости для экономики нацистской Германии больших контингентов гражданских лиц и военнопленных стран – военных противников с точки зрения введения, распространения и закрепления в официальном и бытовом лексиконе определенного количества терминов и понятий, характеризовавших процесс трудовой эксплуатации и, собственно, лиц, ей подвергавшихся. Также в письмах и воспоминаниях бывших «восточных рабочих» зафиксировано не только отношение к сложившемуся семантическому полю их жизни в Германии, но и выработан собственный набор лексем, которые стали опознавательными маркерами для людей схожей судьбы.

Ключевые слова: «восточные рабочие», остарбайтеры, Третий рейх, национал-социализм, пропаганда, Великая Отечественная война

Введение

История определенных исторических этапов и событий концентрируется в наполненных значением понятиях. Именно в них, олицетворяющих событийную канву истории, спрятана «история опыта». В настоящей статье осуществлен анализ процесса доставки и трудоустройства советских граждан на территории Третьего рейха посредством закрепившихся устойчивых определений, характеризовавших эти действия. Мы акцентировали внимание на наиболее часто употребляемых дефинициях.

Соотнося официальные и персональные характеристики, сопровождавшие повседневную жизнь, мы учитывали варианты соотношения понятий и

реальности, которые объединяет важность коннотации понятий, многообразие смысловых нюансов и влияние временных наслоений на бытование понятий и символов в описательных характеристиках событий насильственного пребывания миллионов советских граждан на работах в государстве – военном противнике [1, с. 23].

Так как представления о феномене массовой депортации населения оккупированной территории Советского Союза и его труда в интересах Третьего Рейха лежат в основе политического обоснования и конкретных мобилизационных решений нацистской Германии, а также отображены в пропагандистской и иной документации, а их рефлексия реципиентом – в источниках личного происхождения, то, соответственно, источниковая база настоящего исследования охватывает широкий круг опубликованных и архивных документов нормативно-правового, статистического, делопроизводственного и личностного характера.

Также в работе была учтена интерпретация отечественными и зарубежными исследователями смыслов определений и самоопределений «восточных рабочих», формировавшихся и эволюционировавших под воздействием условий времени и места. Несмотря на определенную дискуссионность и даже «щепетильность» отдельных аспектов феномена трудоустройства советских граждан в экономике Третьего рейха в период Великой Отечественной войны, отметим отсутствие ярко выраженных зон непонимания или конфликта относительно анализа понятийного аппарата проблемы, хотя очевидно, что специфика самой проблемы сказывается на региональной атмосфере ее историописания. Государства и народы, вовлеченные в процесс трудоустройства значительных контингентов рабочей силы в экономике Третьего рейха в период Великой Отечественной войны, наиболее активны в исследовании вопроса.

Все исследователи – российские и зарубежные, занимающиеся вопросами трудоустройства военнопленных и гражданских лиц в период войны, делают безусловный акцент на понятийной составляющей проблемы, приводят официально документированные с авторскими комментариями либо собственные классификации подневольных рабочих [2–4]. В качестве специального исследования, анализирующего терминологический аспект проблемы в соединении с нормативным и статистическим, можем выделить статью украинского историка Р. Пилявца [5]. Работы Т. Пастушенко [6] и Х. Холланда [7] – это уже своеобразный методологический прорыв с точки зрения пополнения объекта исследования новыми терминологическими конструктами, определяющими как авторское видение вопроса, так и будущие исследовательские ориентиры в рамках анализа вопросов трудоустройства иностранных граждан Германией в период войны.

В силу специфики хронологии настоящей темы, а именно: сохраняющейся возможности использования методов устной истории, некоторые ученые, интерпретирующие данные интервью с бывшими «подневольными работни-

ками», закономерно фиксируют множественность их понятийного аппарата, коллизии отношения к официальной терминологии [8; 9]. Тем не менее, специально не анализируют проблему. В настоящей статье изучение личностного среза формулирования устойчивых, оригинальных понятий, характеризовавших условия жизни и работы в Германии, представлено впервые.

К проблеме численности «восточных рабочих» в Третьем рейхе

Проблема трудоустройства граждан оккупированных государств и территорий измеряется не только качественными исследовательскими практиками, но и количественными. Именно они способны категорично подчеркнуть масштаб применения технологий принуждения и рабского труда Третьим рейхом. По материалам Нюрнбергского процесса (в частности, заключительного слова Главного обвинителя от СССР Р. Руденко 29–30 июля 1946 г.), в промышленности и частично в сельском хозяйстве Германии во время войны было использовано около 10 млн «подневольных рабочих», как вывезенных с оккупированных территорий, так и из числа военнопленных¹. По другим данным, во время Второй мировой войны на территории Третьего рейха работали 13 млн 500 тыс. иностранных рабочих и узников лагерей, от 80 до 90% из которых были «подневольными рабочими». С учетом изменений (иногда многократных) статуса – это было 8 млн 400 тыс. гражданских рабочих, 4 млн 600 тыс. военнопленных и 1 млн 700 тыс. узников концлагерей и «евреев-рабочих»².

По подсчетам П. Поляна, число перемещенных лиц с территории СССР на территорию, принадлежавшую или контролировавшуюся Третьим рейхом или его союзниками перед нападением на СССР, составляло около 8 млн 700 тыс. человек. Из них примерно 5 млн 450 тыс. – гражданских лиц и 3 млн 250 тыс. – военнопленных [4, с. 95]. По данным «Всероссийской книги памяти», с оккупированных территорий СССР на работу в рейх было насильно вывезено 5 млн 269 тыс. 513 человек.

Из общего количества вывезенных из Советского Союза гражданских лиц, по данным «Всероссийской книги памяти», после войны было репатрировано в СССР 2 млн 654 тыс. 100 человек. Не вернулись по разным причинам и остались в эмиграции 451 тыс. 100 человек [5, с. 95]. Более 2 млн 160 тыс. рабочих погибли или умерли на чужбине. Эти цифры, по мнению некоторых исследователей, чрезмерно завышены. П. Полян пишет о

¹ Нюрнбергский процесс. В 2 т. Т. 2. М.: Госиздат юридич. лит., 1955. URL: <http://lib.rus.ec/b/379437/read#t7>.

² Иностранная рабочая сила при национал-социализме. Термины, цифры, сферы ответственности // Сайт Бундесархива. URL: <http://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/geschichte/auslaendisch/begriffe/index.html.ru>.

80–100 тыс., В. Земсков – о 100–200 тыс. погибших «восточных рабочих» на территории Германии [6].

Солидаризируемся с тем, что точный подсчет угнанных или выехавших по собственному желанию в рейх, репатриированных, умерших на территории Германии или еще в процессе депортации невозможен в силу ряда причин: недостаточного документального обеспечения проблемы, иногда неточной фиксации выезжавших в Германию, персональных коллизий судеб «восточных рабочих» и т.д.

Но, исходя только из представленных объемов контингентов дешевой, чаще – бесплатной рабочей силы, можно оценить их актуальность для германской военной экономики, оперативно реагировавшей таким образом на экономические затруднения и осуществлявшей поиск ресурсов максимизации прибыли предприятий [7, с. 391–393].

Соответственно, уровень важности вопроса для руководителей Третьего рейха демонстрирует вовлеченность в его решение знаковых политических структур и фигур. Организацией использования иностранной гражданской рабочей силы на высшем уровне в Третьем рейхе занимались уполномоченный по выполнению четырехлетнего плана (Герман Геринг), рейхсминистр труда (Франц Зельдте), а с 1942 г. – большей частью главный уполномоченный по использованию рабочей силы (Фриц Заукель), кроме того, рейхсминистр оккупированных восточных территорий (Альфред Розенберг) совместно с рейхскомиссарами Остланда (Генрих Лозе) и Украины (Эрих Кох), а также главное управление имперской безопасности (Рейнхард Гейдрих, Генрих Гиммлер, Эрнст Кальтенбруннер).

Мобилизация значительного количества иностранных рабочих, изъятых с оккупированных территорий, а также военнопленных очевидно невозможна была без насилия и принуждения к труду [8]. Плохое обращение, сложные бытовые условия и тяжелейшие работы стоили жизни многим привлекаемым к работе в Германии. Поэтому определения «принудительный труд» не боялись и не избегали в документации, оно стало неотъемлемым критерием социально-экономической политики германского государства в период войны.

Понятийный аспект проблемы в официальном, научном, повседневном дискурсе

Говоря непосредственно о терминологических зигзагах проблемы, в первую очередь апеллируем к общепризнанному авторитетному исследователю проблемы трудоустройства иностранных граждан в нацистской Германии – У. Герберту, который выделил четыре категории работников, отличавшихся друг от друга в отношении типа и метода набора, социального статуса и правового положения, а также продолжительности и условий рабочих отношений [2, с. 193]:

- иностранные гражданские рабочие, доставленные в Германию с 1939 по 1945 г. (Fremdarbeiter);

- военнопленные, которые использовались в качестве рабочей силы. В эту группу входят также итальянские военнослужащие, задержанные после выхода Италии из военного блока с Германией, значительное число польских заключенных, квалифицированных в качестве «гражданских служащих» (Zivilarbeiter);

- заключенные концентрационных лагерей в пределах территории рейха;
- евреи по месту жительства, в гетто, принудительных трудовых лагерях или в разветвленной сети концентрационных лагерей.

Гражданских рабочих зачастую не отделяли от военнопленных, что мы находим в рассказах участников событий с обеих сторон. В воспоминаниях и военнопленных и гражданских рабочих есть понятие – «гражданские пленные» – это в основном квалифицированные рабочие, учителя, инженеры и т.д.¹ В целях выполнения железо-стальной программы и с тем, чтобы обеспечить требования угольной промышленности, А. Гитлер приказал профессиональных горнорабочих в возрасте от 16 до 55 лет приравнять к категории военнопленных².

В целом, данная классификация воспроизводит официальную терминологию Третьего рейха с безусловно важными авторскими акцентами. У. Герберт обращает внимание на селективный подход к проблеме со стороны национал-социалистов, который заключался не только в утилитарном упорядочивании рабочей силы, но и в желании подчеркнуть отношение к различным группам рабочих. Формированию слоев и групп, стравливанию их друг с другом в этой и так многоликкой среде способствовали избирательность насилия, искусственно создаваемая нищета, агония тяжелого труда, провоцирование межнациональной и межконфессиональной вражды, в том числе – настраивание немецких рабочих против военнопленных и заключенных концлагерей [9, с. 101–102]. Манипуляция групповым и индивидуальным сознанием в собственных целях как одно из средств фашизма и немецкого финансового капитала в полной мере проявилось и в этом вопросе. Таким образом, вся система трудоустройства Германией иностранных граждан в период войны строилась в замкнутом круге: насилие для сегрегации, сегрегация для насилия.

В этой связи особый смысл приобретает поставленная М. Шперером проблема социально-правового статуса трудоустройства. Исследователь выделяет факторы подневольности и изолированности труда в качестве основного признака для классификации иностранных рабочих [3, с. 173]. Этот тезис не нарушает общей логики трудовой политики Третьего рейха и подтверждаем исследователями.

---

¹ Рассказ бывшего военнопленного военврача 3 ранга Розенберга Александра Павловича // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 48. Л. 16.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 257.

Наиболее отчетливо такие элементы, как наделение или же, наоборот, лишение определенных прав и привилегий работников представлены в категории «восточных рабочих», выступавших частью группы иностранных рабочих и имевших собственное подразделение в иерархии.

«Восточный рабочий», или «Остарбайтер» (нем. *Ostarbeiter* – работник с Востока) – определение, принятое в Третьем рейхе для обозначения людей, вывезенных из Восточной Европы с целью использования в качестве бесплатной или низкооплачиваемой рабочей силы в 1942–1944 гг.

Термин сохраняет свою научную и социально-историческую актуальность в силу насыщенного присутствия во всех группах источников. Эквивалентом ему также может выступать понятие «принудительные рабочие с Востока» (Г. Геринг, как автор термина «остарбайтер», ставил знак равенства между понятиями, подразумевая характер мобилизации рабочих ресурсов на Востоке) или «подневольные работники»¹ (понятие, поддерживаемое в современной Германии). Среди понятийных новообразований можем выделить «остарбайтерство» Ю.Ф. Скрипниченко [10]. В лексикон русскоязычного исследователя этот термин не войдет, но он логично звучит при осмыслении групповой психологии принудительных рабочих.

К категории «восточных рабочих» причислялись рабочие из старых советских или старорусских областей. Они обязаны были носить знак «OST», хорошо видимый на груди, на каждом виде одежды. Национальная принадлежность «восточных рабочих» не имела значения. Понятие «восточный рабочий» распространялось не только на все демографические и профессиональные группы советских граждан, попавших в рейх, но и включало советских военнопленных, чей труд также активно использовался в промышленности и сельском хозяйстве.

Для руководства по вопросу применения труда «восточных рабочих» в экономике рейха и отношения к ним были изданы специальные директивы, как, например, «Памятка об обращении с гражданскими иностранными рабочими в Германии» от 1 октября 1942 г. В шести пунктах документа определялись характер мест содержания остарбайтеров, их права (два раза в месяц посылать одно письмо или открытку) и ограничения (запрет на посещение церкви, интимных отношений, самовольные отлучки из хозяйства работнанимателя)². Очевидно, что в процессе войны понятие «восточный рабочий» могло подменять собой понятие «иностраный рабочий», возможно, в силу превалирующих контингентов с оккупированной территории СССР.

В некоторых нацистских документах, регламентировавших процесс набора и трудоустройства советских граждан, иногда присутствовали се-

---

¹ Фонд «Память, ответственность и будущее». URL: <http://www.stiftung-evz.de/rus/o-nas>.

² Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Экономика, 1985. С. 194–195.

тования, что понятие «восточный рабочий» более узкое, чем «иностранные рабочие», поэтому «затронутые этим лица должны воспринимать это как несправедливость»¹. Скорее в этом находим лицемерный акт оправдания изначально неприемлемого, жестокого, вне правил и даже предписаний отношения к рабочим из СССР.

Современная историография проблемы достаточно педантична в этом вопросе: два понятия употребляются в строго первоначально приобретенном значении.

«Восточные рабочие» как особая группа по национальному составу, конфессионально, в социально-профессиональном аспекте не представляла собой единства, что подчеркивалось и умело использовалось в пропаганде Германии. Достаточно часто в самых разнообразных источниках Третьего рейха – пропагандистских, делопроизводственных – в качестве синонима понятию «восточный рабочий» употреблялось «русский рабочий». Так, в пропагандистской брошюре «Политические задачи немецкого солдата в России в свете тотальной войны» говорилось следующее: «Необходимое в тотальной войне использование русской рабочей силы породило понятие “восточный рабочий”. ...Работают они хорошо и не подают повода недовольства, обращаются с ними так же, как и с другими иностранными рабочими, согласно следующих принципов: хорошее питание, чистота, здоровая квартира, справедливое обращение»².

В этом выделении в особую категорию «русских» рабочих находим воплощение в жизнь концепта «разделяй и властвуй». Рознь активно разжигалась между представителями народов СССР и Восточной Европы. Особенной «удачей» были прорастающие семена раздора между русскими, украинцами и белорусами. Даже в послевоенном политическом сленге присутствовали понятия «восточники» и «западники». К последним причисляли выходцев из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также прибалтийские народы, которые якобы составляли особый контингент и выезжали на работы в Германию по собственной воле³. Это было крайне условное деление, не всегда соответствовавшее действительности. В этом контексте приведем пример исследования Л. Макдоуэлл [11].

Анализируя интервью с 25 латышскими женщинами, выехавшими после Второй мировой войны в Великобританию, автор отмечает, что статус выезда в Германию они определяют не однозначно: от «мобилизации», «призыва помочь в войне» до «принудительных работ». При этом едины во мнении о крайне тяжелом труде, в котором поддерживало только ощущение «особенно-

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 407.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 53.

³ Остарбайтеры // Демоскоп Weekly. 2001. № 15–16. URL: <http://demoscope.ru/weekly/015/tema04.php>.

го» к ним отношения со стороны немецких властей благодаря участию родственников в латышском легионе. В целом добровольный отъезд был крайне редок, зачастую условен независимо от территории. Добровольно выезжавшие на работы в Германию из числа местных жителей и освобожденные военнопленные получили название «лица, желающие оказывать содействие – hilfswillige»¹. В свидетельствах «восточных рабочих» находим утверждения, что при насильственных методах угона с вручением номера иногда выдавались документы о добровольном выезде в Германию². Поэтому красноречива фраза из немецкого документа: «рабские добровольцы»³, подразумевавшая очевидность расхождения между пропагандой и действиями нацистской Германии. Украинский исследователь Т. Пастушенко пишет, что независимо от того, поехали украинцы в рейх добровольно или принудительно, они относились к категории рабочих из Советского Союза [12, с. 96].

В целом радикализация в отношении к иностранным работникам возрастает после нападения Германии на СССР в результате возросшего спроса на рынке труда в связи с началом войны на Востоке [13, с. 47–48], что находит отражение в риторике официальных документов, регламентировавших вопросы доставки и трудоустройства советских граждан в экономических интересах Третьего рейха. Мы видим терминологическое многообразие в фиксации постановки задач и методах набора рабочей силы на оккупированной территории в следующих формулировках: «необходимую дополнительную рабочую силу следует максимально изъять с территории вновь оккупированных восточных областей...»⁴; «вербовка на государственные работы должна на ближайшие месяцы стоять во главе всех мероприятий»⁵; «во всех не эвакуированных населенных пунктах должны быть немедленно мобилизованы и вместе с именованными списками к 30.08.1943 г. направлены в штаб дивизии...»⁶; «...мобилизация жителей оккупированных областей должна производиться по соглашению с трудовыми управлениями...»⁷.

Такие понятия, как «спрос», «бронь», «удовлетворение потребности», оказались наиболее распространены в деловой переписке между органами, осуществлявшими набор, и работодателями. Обратимся к документам: «Чис-

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 11. Л. 52.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 48. Л. 2–3.

³ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31. Л. 95 об. – 96.

⁴ Копии руководящих указаний Главного Уполномоченного по использованию рабочей силы и о мобилизации рабочих в оккупированных восточных областях для германской военной экономики. 1941–1944 гг. // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 230. Л. 4.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 230. Л. 5.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 190. Л. 1.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 84. Л. 18 об.

ло используемых русских рабочих зависит от спроса...»¹; «В связи с необходимостью высвободить из военной промышленности значительное количество ранее забронированных рабочих для отправки их в армию, использование рабочей силы военнопленных приобрело еще более важное значение, чем до сих пор...»².

Сами «восточные рабочие», описывая методы угона и доставки на территорию Третьего рейха, используют различные слова, в которых отражены как переживания ситуаций насилия, так и неосознанно повторяемая официальная риторика: «угоняли», «ловили», «эвакуировали» и т.д. Вот свидетельства очевидцев: «...Немцы отступая угоняли по доносам людей в Германию или расстреливали»³, «...Делали облавы на женщин, стариков, подростков на рытье окопов и прочих укреплений... В том числе и меня в 1943 году в начале поймали и вместе с такими как я узниками под конвоем были привезены в поселок Горный-Новороссийского района»⁴, «...Нас эвакуировали вернее угнали весь хутор старых и малых»⁵; «... Я вместе с нашей семьей была интернирована и находилась в концлагере»⁶.

В свидетельствах бывших «восточных рабочих» также обращает на себя внимание и постоянное оперирование категорией «мы», слияние собственного опыта с множественным опытом других людей: «нас угоняли», «мы ехали», «нас распределяли», «мы жили», «мы работали» и т.д. [14, с. 57].

Таким образом, объективируясь посредством языковых единиц, фрагменты действительности жизни «восточных рабочих» в совокупности образуют специфическую область «истории опыта» жизни в неволе, разлуки с домом и родными и, в целом, специфических военных испытаний в принудительной работе на врага.

Выводы

Понятийный комплекс проблемы использования Германией принудительного труда гражданских лиц и военнопленных оккупированных государств сложился еще во время происходивших событий, в полной мере отражает цели, характер, региональную характеристику рабочих. К настоящему времени такие понятия, как «иностранцы рабочие», «восточные рабочие», «остарбайтеры», «русский рабочий», «принудительный труд», введены в научный оборот и не вызывают серьезных разночтений в силу изначальной однозначности в смысловой наполненности.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 200. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 84. Л. 34.

³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 218. Л. 5.

⁴ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 218. Л. 14.

⁵ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 219. Л. 40.

⁶ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 220. Л. 7.

В части складывания повседневного дискурса представлений о системе насильственного трудоустройства самих рабочих отмечается как апеллирование официальными понятиями, так и конструирование собственных. Последние отражают многообразие реакций людей на формы и способы воздействия в процессе доставки и трудоустройства. Выработанный подневольными работниками понятийный круг выступает и неким опознавательным маркером для людей схожей судьбы. В условиях болезненного процесса репатриации и практически полного отсутствия механизмов социальной адаптации в СССР найти помощь и поддержку многим удавалось только в своей группе.

В то же время актуальность темы, углубление межпредметных связей, а также развитие теоретико-методологического базиса исторической науки оказывают влияние на пополнение семантического поля проблемы новыми словообразованиями, например, такими, как «вынужденные отношения» [2, с. 15] или «дискурс страдания» «остарбайтеров» [16, с. 245–247].

В целом, особый учет взаимообусловленности социально-исторического и языкового контекста, даже с учетом неизбежности ограничения анализа первого языковыми условностями и доступными интеллектуальными ресурсами обеспечивает комплексность и устойчивость исследовательской парадигмы проблемы при безусловном приращении новых смыслов.

© Гаража Н.А., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–34.
- [2] Herbert U. Forced Laborers in the Third Reich: An Overview // International Labor and Working-Class History. 2000. № 58. P. 192–218.
- [3] Spoerer M., Fleischhacker J. Forced Laborers in Nazi Germany: Categories, Numbers, and Survivors // Journal of Interdisciplinary History. 2002. xxxiii: 2. Autumn. P. 169–204.
- [4] Полян П.М. Советские граждане в Рейхе: сколько их было // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 95–100.
- [5] Пилявець Р.І. Робітники з України в нацистській Німеччині: питання термінології, правового та соціального статусу // Війна. Окупація. Пам'ять: Примусові робітники з України в окупованій Європі: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції, м. Київ, 27 вересня 2012 р. Київ: НВЦ «Пріоритети», 2012. С. 88–125.
- [6] Земсков В.Н. К вопросу о масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины) // Мир и политика. 2012. № 5 (68). URL: <http://mir-politika.ru/301-lyudskiepoteri.html>.

- [7] *Grieger M.* Zwangsarbeit in einem Industrieunternehmen der Deutschen Arbeitsfront (DAF) // Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. Essen: Klartext-Verl., 1999. P. 391–582.
- [8] *Красноженова Е.Е.* Социальная помощь семьям военнослужащих в Нижнем Поволжье 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 141–147.
- [9] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. Band I: 1939–1941. Berlin: Akademie verlag, 1971.
- [10] *Скрипниченко Ю.Ф.* «Остарбайтерство» на Харьковщине в годы Второй мировой войны: рассмотрение проблемы периода конца XX–XXI столетия в источниках и историографии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 189–193.
- [11] *McDowell L.* Cultural memory, gender and age: young Latvian women's narrative memories of war-time Europe, 1944–1947 // Journal of Historical Geography. 2004. № 30. P. 701–728.
- [12] *Пастушенко Т.* Остарбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація (1942–1953). Київ: Інститут історії України НАН України, 2009.
- [13] *Liedke K.* Das KZ-Außenlager Schillstraße in Braunschweig 1944–1945. Braunschweig, 2006.
- [14] *Гринченко Г.Г.* Особенности реконструкции прошлого в свидетельствах бывших остарбайтеров // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Київ: Інститут історії України. НАН України, 2004. Вип. 8. Ч. 1. С. 52–58.
- [15] *Holland H.-H.* Materialien zur Geschichte der Zwangsarbeiter in Herten. Herten, 2002.
- [16] *Grinchenko G.* (Re)Constructing Suffering: «Fascist Captivity» in Soviet Commemorative Culture // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2013. Vol. 35. P. 243–261.

2. Документы и материалы

- [17] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 218.
- [18] ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 219.
- [19] ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 220.
- [20] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 11.
- [21] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 48.
- [22] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 84.
- [23] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 190.
- [24] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 200.
- [25] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 230.
- [26] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256.
- [27] Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31.
- [28] Иностранная рабочая сила при национал-социализме. Термины, цифры, сферы ответственности // Сайт Бундесархива. URL: <http://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/geschichte/auslaendisch/begriffe/index.html.ru>.
- [29] Нюрнбергский процесс. В 2 т. Т. 2. М.: Госиздат юридич. лит., 1955. URL: <http://lib.rus.ec/b/379437/read#t7>.
- [30] Остарбайтеры // Демоскоп Weekly. 2001. № 15–16. URL: <http://demoscope.ru/weekly/015/tema04.php>.

- [31] Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Экономика, 1985. С. 194–195.
- [32] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 166.
- [33] Фонд «Память, ответственность и будущее». URL: <http://www.stiftung-evz.de/rus/o-nas>.

Рукопись поступила в редакцию: 10 ноября 2016 г.

Для цитирования: *Гаража Н.А.* Понятийное измерение контекста трудоустройства советских граждан в экономике нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2017. № 4. С. 656–669. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669.

Об авторе: *Гаража Наталья Алексеевна* – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Информатика, математика и общегуманитарные науки» Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Новороссийск, РФ).

CONCEPTUAL DIMENSION OF CONTEXT OF USING SOVIET CITIZENS' LABOUR IN THE NAZI GERMANY ECONOMY (1941–1945)

Nataliia A. Garazha

Novorossiysk branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
56 Vidova St., Novorossiysk, 353900, Russia
ngarazha@yandex.ru

The article considers the official and personal characteristics and thoughts concerning the conceptual component of the phenomenon of using the labour of Soviet people in the Third Reich economy. There were formulated the basic concepts, which characterize all the stages of the use of labour of eastern workers.

The results of the research showed that the reflection on the analysis of the new position was typical of eastern workers regardless of their gender, age or social characteristics. It took a key place in their conversations and texts on a par with the discussions of household burdens.

At the same time, the feelings of Ostarbeiters and their thoughts about the fundamental changes in life were reflected in the desire of the adequate definition of their position, the con-

cise formulation of the major aspects of the German authorities' and civilians' attitude towards them, as well as their own perception of the new life.

Being convinced of the fairness of the servile nature of the use of Soviet people's labour, the population of Germany naturally enriched their vocabulary by the concepts of "owner", "buy", etc. It also caused a whole range of emotions of Ostarbeiters. Despite the challenges that the Soviet people faced while working in Germany, this harsh experience could not break their faith in themselves, in the human and humanity; it strengthened their spirit, and the ability to focus on the positive emotions and getting pleasure from small events helped them to survive.

From the point of view of evaluation features, the socio-cultural connotations and manipulative potential of the conceptual field of the phenomenon of using Soviet people's labour in the Third Reich economy were characterized by integrity and by diversity at the same time.

Keywords: Eastern workers, Ostarbeiter, concept, the Third Reich, National Socialism, propaganda, World War II, historical source

REFERENCES

- [1] Kozellek R. K voprosu o temporal'nyh strukturah v istoricheskom razvitii ponjatij [On the question of temporal structures in the historical development of concepts]. *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta [History of concepts, history of discourse, history of mentality]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2010: 21–34 (in Russian).
- [2] Herbert U. Forced Laborers in the Third Reich: An Overview. *International Labor and Working-Class History*. 2000; (58): 192–218.
- [3] Spoerer M, Fleischhacker J. Forced Laborers in Nazi Germany: Categories, Numbers, and Survivors. *Journal of Interdisciplinary History*. 2002; xxxiii: 2, Autumn: 169–204.
- [4] Polian PM. Sovetskie grazhdane v Reikhe: skol'ko ikh bylo [Soviet citizens in the Reich: how many they were]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2002; (5): 95–100 (in Russian).
- [5] Piliavec' RI. Robitniki z Ukraïni v nacists'kij Nimechchini: pitannja terminologii, pravovogo ta social'nogo statusu. Vijnna. Okupacija. Pam'jat'. *Primusovi robitniki z Ukraïni v okupovanij Evropi. Materiali Vseukraïns'koï naukovoï konferencii, m. Kiïv, 27 veresnja 2012 r.* Kiev: SPC «Ppriorities», 2012: 88–125 (in Ukrainian).
- [6] Pastushenko T. *Ostarbaiteri z Kiïvshchini: verbuvannya, primusova pratsya, repatriatsiya (1942–1953)*. Kiev: Institutional of History of Ukraine, 2009 (in Ukrainian).
- [7] Holland HH. *Materialien zur Geschichte der Zwangsarbeiter in Herten*. Herten, 2002.
- [8] McDowell L. Cultural memory, gender and age: young Latvian women's narrative memories of war-time Europe, 1944 – 1947. *Journal of Historical Geography*. 2004; 30: 701–728.
- [9] Grinchenko GG. Osobennosti rekonstrukcii proshlogo v svidetel'stvah byvshih ostarbajterov. [Features of the reconstruction of the past in the testimony of former Ostarbeiters]. *Storinki voennoi istorii Ukraini: Zb. nauk. st.* Kiev: Institut istorii Ukraïni. NAN Ukraïni, 2004; 8 (1): 52–58 (in Russian).
- [10] Zemskov VN. K voprosu o masshtabah ljudskih poter' SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne (v poiskah istiny) [To the question of the scale of the Soviet Union's losses in the Great Patriotic War (in search of truth)]. *Mir i politika*. 2012; 5 (68). Available from: <http://mir-politika.ru/301-lyudskiepoteri.html> [Accessed 27 June 2016].

- [11] Grieger M. Zwangsarbeit in einem Industrieunternehmen der Deutschen Arbeitsfront (DAF). *Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945*. Essen: Klartext-Verl., 1999: 391–582.
- [12] Krasnozhenova EE. Sotsial'naya pomoshch' sem'yam voennosluzhashchikh v Nizhnem Povolzh'e 1941–1945 gg. [Social assistance to families of servicemen in the Lower Volga region, 1941–1945]. *Voprosy istorii*. 2012; (3): 141–147 (in Russian).
- [13] Skripnichenko YuF. «Ostarbaiterstvo» na Har'kovshhine v gody Vtoroi mirovoi voiny: rassmotrenie problemy perioda konca XX–XXI stoletia v istochnikah i istoriografii [«Ostarbaiterstvo» in the Kharkiv region during the Second World War: the consideration of the problem in the period of the late twentieth and twenty-first century in sources and historiography]. *Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik*. 2015; (1): 189–193 (in Russian).
- [14] Eichholtz D. *Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945*. Band I: 1939–1941. Berlin: Akademie verlag; 1971.
- [15] Liedke K. *Das KZ-Außenlager Schillstraße in Braunschweig 1944–1945*. Braunschweig; 2006.
- [16] Grinchenko G. (Re)Constructing Suffering: «Fascist Captivity» in Soviet Commemorative Culture. *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2013; 35: 243–261.

Article received: 10 November 2016

For citation: Nataliia A. Garazha, Conceptual dimension of context of using Soviet citizens' labour in the Nazi Germany economy (1941–1945). *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 656–669. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669.

About the author: Nataliia A. Garazha, PhD (in History), Associate Professor, Head of the Department of Informatics, Mathematics and Humanities Sciences, Novorossiysk branch of the Finance University under the Government of the Russian Federation (Novorossiysk, Russia).